

ками. Летом 1921 г. в Париже и Лондоне разрабатываются первые планы, и в январе 1922 г. Бриан и Ллойд Джордж на конференции в Каннах договариваются относительно условий признания большевиков на готовящейся конференции в Генуе.

Тогда я был против этого. Мои поездки в марте и апреле в Париж и Лондон позволили мне вмешаться в это дело» («Moje odpoověd d-ru K. Kramářovi». Praha, 1929, str. 27—28).

436

*Письмо посланника в Берлине В. Тусара председателю правительства и министру иностранных дел Чехословакии Э. Бенешу о беседе с народным комиссаром иностранных дел РСФСР Г. В. Чичериным*

Берлин

4 апреля 1922 г.

Многоуважаемый коллега!

В дополнение к нашему вчерашнему телефонному разговору разрешите сообщить следующее о беседе с Чичериным: он пригласил меня на беседу и прежде всего поблагодарил за информацию о Генуе, которую Раковский получил от Вас и от меня. Он дал понять, что она соответствует действительности. О Радеке он сказал, что он частное лицо и за его высказывания ни он, ни правительство не берут на себя ответственность<sup>1</sup>.

Он знает, что его высказывания не всегда были к месту.

В беседе мы перешли к Чехословакии: Чичерин сказал: ЧСР вела себя очень хорошо по отношению к России. В последнее время д-р Бенеш, к сожалению, окунулся с головой во французские дела. Резолюция в Булони — его дело<sup>2</sup>. Мы не понимаем, откуда такой поворот в чехословацкой политике. Д-р Бенеш обещал также помощь Польше, и может быть, и Румынии в случае предполагаемой интервенции. В Праге сосредоточиваются контрреволюционные элементы, чешское правительство поддерживает их морально и материально.

Для него важно, чтобы мы приняли во внимание то, что Советское правительство принципиально стоит на позиции сохранения самостоятельности ЧСР и что противоречащие этому сообщения неправдивы. На это я ответил ему, что вина за подобные сообщения падает на примитивную агитацию чешских коммунистов<sup>3</sup>. На упреки в адрес чешской политики и Вас я ответил обстоятельно и очень решительно в вежливой и вместе с тем острой и крайне энергичной форме, так, как говорил и он. Нет необходимости приводить детали, разумеется, в ходе дискуссии мы коснулись III Интернационала и его агитации у нас и во всей Европе. Он заявил, что III Интернационал полностью отделен от Советского правительства. За его действия на Советское правительство можно возложить такую же малую долю ответственности, как на бельгийское правительство за политику католической церкви. Я посоветовал ему не приводить в Генуе такой аргумент, т. к. он вообще не будет принят всерьез. Я сказал ему, что на Западе они не будут признаны до тех пор, пока не выяснится отношение к III Интернационалу и не будут даны гарантии, что прекратят нынешнюю деятельность.

Беседа закончилась обсуждением возможных кредитов для России в Германии и на Западе. Чичерин сказал, что они хотят дать все правовые гарантии для личной и имущественной уверенности иностран-

цев и сослался на то, что в последнее время они издали ряд соответствующих законов.

Относительно обстановки в Германии представляло интерес то, что он резко напал на социал-демократов за то, что они являются самыми большими противниками Советов и что с буржуазными деятелями типа Вирта и Ратенау они, мол, договорятся лучше, чем с Каутским и Шейдеманом.

Почти часовую беседу он закончил пожеланием встретиться с Вами в Генуе. Я пообещал, что немедленно сообщу Вам об этом.

О переговорах, которые велись вчера в течение всего дня в Берлине между Советами и германским правительством, я узнал, что они продвинулись очень далеко. Чичерин был бы рад, если бы в Генуе мог представить доказательство со стороны Германии. Немцы говорят, что формального выражения признания де-юре больше не нужно, так как уже однажды в Брест-Литовске об этом было заявлено. Этого русским мало. Я думаю, что перед Генуей Ратенау не изъявит желания идти дальше. В германо-русских переговорах единственным важным препятствием, разумеется, большого практического и принципиального значения является возмещение убытков немецким владельцам за предприятия [социализированные в ходе] в революции. У меня такое впечатление, что перед Генуей русские не хотят согласиться с требованием немцев, так как тем самым выпустили бы из рук важный козырь. Если я не ошибаюсь, немецко-русские переговоры останутся незаконченными и будут продолжаться уже после Генуи. Вероятно, и в этой незавершенности, но весьма значительном сближении, которое не планировалось, но состоялось, обе стороны накануне Генуи усматривают для себя определенную выгоду, давление по отношению к Западу и немного угрозы.

Больше и выше это нельзя оценить, так как немцы хорошо знают что сейчас Россия не может ничего дать им, не может оказать политическую помощь и из-за России ни один немец не стал бы разрушать лучшее отношение к Западу, если бы такое было возможно. Я думаю, что и русские думают подобным образом. Если бы, конечно, Генуя своими результатами, пусть позитивными или негативными, оказала бы здесь неблагоприятное воздействие, не исключено известное автоматическое и механическое приближение Германии к России, хотя подавляющее большинство немецкой общественности в общем весьма не желало бы это.

Желаю Вам в Генуе большой удачи и прошу Вас информировать меня. С дружеским приветом!

Ваш Тусар

*AMZV, Praha, PZ Berlin 1922, č. 47.*

*Подлинник. Перевод с чешского.*

<sup>1</sup> Г. В. Чичерин здесь, по-видимому, имеет в виду беседу В. Тусара с К. Радеком, состоявшуюся в конце февраля 1922 г. По сообщению Тусара, Радек предложил заключить договор между Чехословакией и РСФСР еще перед Генуэзской конференцией. Радек сообщил также, что Советское правительство намеревается вести переговоры с французским, в частности по экономическим вопросам, и обратил внимание на то, что можно ожидать и заключения договора с Германией «относительно, как писал Тусар, более широкого построения взаимных экономических и политических связей», если германское правительство будет проводить независимую и самостоятельную политику (AMZV, Praha, PZ. Berlin, 1922, dok. č. 24).

<sup>2</sup> См. док. 429, 431.

<sup>3</sup> Это обычный прием буржуазных политических деятелей, стремящихся противопоставить друг другу Советское правительство и международное революционное движение, в данном случае чехословацких коммунистов.